

Лексико-семантические модификации прилагательных в англоязычном судебном дискурсе (на примере лексем *material* и *substantive*)

М. А. Викулина¹, Л. В. Моисеенко²

¹РГУ (НИУ) нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние особенностей судебного дискурса на модификацию значения лексем. В ходе интерпретации юридического текста за прилагательным закрепляется незафиксированное или малораспространенное словарное значение. Цель данного исследования – выявление наиболее частотных лексико-семантических модификаций в юридическом дискурсе. Анализируя тексты решений Верховного суда США и используя дискурсивный и компонентный анализы, авторы приходят к выводу, что лексико-семантические модификации в судебном дискурсе часто становятся результатом сужения значения в процессе интерпретационной практики, а также результатом функциональной замены при выборе эквивалента языковой единицы в переводящем языке.

Ключевые слова: судебный дискурс, лексико-семантические модификации, сужение значения, функциональная замена, юридический перевод

Для цитирования: Викулина М. А., Моисеенко Л. В. Лексико-семантические модификации прилагательных в англоязычном судебном дискурсе (на примере лексем *material* и *substantive*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 29–36.

Original article

Lexical and Semantic Modifications of Adjectives in the English-Language Court Discourse (an analysis of the words *material* and *substantive*)

Maria A. Vikulina¹, Lilia V. Moiseenko²

¹National University of oil and gas «Gubkin University», Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Abstract. The article under consideration focuses on the way the court discourse specificity influences the modification of the word semantics. In the course of a legal text interpretation an adjective acquires a meaning that is not fixed in the dictionary or that is less frequent in use. The purpose of the research under consideration is to identify the most frequent lexical and semantic modifications in the legal discourse. Analyzing the texts of the US Supreme Court rulings and relying heavily on discourse analysis and component analysis, the authors conclude that lexical and semantic modifications in the courtroom discourse more often result from narrowing or restriction of the meaning in the course of court interpretation practice and functional substitute technique while choosing an equivalent for a term in the target language.

- Keywords:** court discourse, lexical and semantic modifications, narrowing or restriction of the meaning, functional substitute technique, legal translation and interpretation
- For citation:** Vikulina, M.A., Moiseenko, L.V. (2025). Lexical and semantic modifications of adjectives in the English-language court discourse (an analysis of the words *material* and *substantive*). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(899), 29–36. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Работа с юридическими текстами, в частности, перевод англоязычной правовой документации на русский язык, часто вызывает затруднения, связанные со специфическими изменениями в значении лексем в юридическом дискурсе и в правовой интерпретации. В данном исследовании мы ставим перед собой цель определить наиболее частотные лексико-семантические модификации прилагательных в судебном дискурсе, а также некоторые распространенные переводческие ошибки. В этой связи представляется целесообразным описать коммуникативно-прагматические характеристики судебного дискурса и особенности правовой коммуникации, проанализировать словарные значения лексем, а также с помощью компонентного и дискурсивного анализа проследить, какие незафиксированные или малораспространенные значения закрепляются за прилагательным в ходе правовой интерпретации юридического текста.

Материалом для исследования послужили решения Верховного суда США.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней установлены наиболее частотные лексико-семантические модификации прилагательных на примере лексем *material* и *substantive* представлены лингвопрагматические характеристики судебного дискурса, влияющие на изменение значения в процессе интерпретации; описана роль коммуникативно-прагматических характеристик судебного дискурса в данном процессе, а также аргументированно разъяснена разница в значениях некоторых внешне схожих английских и русских юридических терминов, которые потенциально могут стать «ложными друзьями переводчика». Теоретическая значимость исследования состоит в том, что решаемая в нем проблема вносит вклад в теорию текста и переводоведения, а практическая – в использовании полученных результатов при дальнейшей работе с юридическими текстами и в исправлении неточностей, зачастую тиражируемых в русскоязычных словарях.

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Судебный дискурс как часть юридического дискурса характеризуется определенным составом

участников, спецификой целей и ценностей, особенностями ключевых концептов, стратегий, прецедентных текстов, материала, а также набором дискурсивных формул. Для судебного дискурса как для разновидности институционального характерно клишированное общение, которое выстраивается по определенному шаблону. В. И. Карасик, исследуя критерии институционального дискурса, выделяет:

- 1) специфическую цель общения, определяемую кругом задач, которые необходимо решить;
- 2) специфические условия общения в рамках данного института и вытекающие отсюда официальность стиля, жесткую детерминированность тематики общения, наличие институциональных символов;
- 3) специфические характеристики коммуникаторов, которые выступают в статусно-ролевой функции;
- 4) специфические характеристики текстов, которые содержат знаки принадлежности агентов к данному социальному институту [Карасик, 1998].

Говоря о специфических характеристиках текстов и рассматривая проблему неопределенности текстов юридических документов, Н. Ю. Кораблева отмечает, что данный вопрос уже долгое время оказывается в фокусе внимания исследователей, поскольку неоднозначность и двусмысленность затрудняют толкование нормы и сам процесс правоприменения. С точки зрения Н. Ю. Кораблевой, «тексты юридических документов должны отличаться ясностью и однозначностью в подаче материала, что дает возможность профессиональным юристам снимать элементы двусмысленности и неоднозначности» [Кораблева, 2024, с. 57]. Ученый справедливо полагает, что при создании нормы права юридический текст должен стремиться к четкости и определенности с точки зрения последующей интерпретации.

В качестве примера Н. Ю. Кораблева приводит формулировки кодексов Российской Федерации, в частности, статьи, касающиеся тяжкого вреда здоровью, вреда средней тяжести и особо тяжких преступлений: «Несмотря на очевидную сложность с последующей однозначной интерпретацией словосочетания, включающего в себя градуальные прилагательные, в текстах юридических документов

нередко встречаются целые шкалы, содержащие подобные оценочные элементы, зачастую сопровождаемые модификаторами степени проявления признака, например: особо тяжкое преступление, вред средней тяжести, чрезвычайно высокая степень вреда и т. д.» [Кораблева, 2024, с. 59].

Мы не можем согласиться с утверждением, что данные определения предполагают субъективное толкование правоприменителя. Исходя из того, что применение закона в основном ложится на плечи профессиональных юристов, в частности судей, мы склонны полагать, что ранее установленные и закрепленные в комментариях или официальных толкованиях смыслы за счет многократного обращения к законам и иным нормоустанавливающим документам (например, Постановлениям Пленума Верховного суда) фиксируются в качестве знаний, разделяемых всеми представителями юридической профессии (фоновые знания). В частности, под тяжким вредом понимается причинение вреда, вызвавшее значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на 1/3 или полную утрату потерпевшим профессиональной трудоспособности (для заведомо виновного). Более того, критерии тяжести четко определены даже в отношении характера ран или поврежденных органов. Например, под потерей зрения понимается полная стойкая слепота на оба глаза или такое состояние, когда имеется понижение зрения до показателя остроты зрения 0,04 и ниже (счет пальцев на расстоянии 2 м и до светоощущения)¹.

Таким образом, более справедливым является тезис Н. Ю. Кораблевой о том, что «в рамках юридической практики профессиональные юристы применяют наработанные годами принципы и правила толкования юридических текстов, которые, в свою очередь, составляют часть юридической догматики, позволяющей рассчитывать на предсказуемый результат» [там же, с. 57].

Учитывая специфику дискурсивных формул и особенности формулировок юридических текстов, в частности судебных решений, можно говорить о формировании определенного языка судебного дискурса, где, как отмечает Л. Н. Шевырдяева, ведущая роль принадлежит судьям, так как «именно в речи судей происходит концептуализация действительности в аспекте права» [Шевырдяева, 2009, с. 8]. Судью, вслед за И. Б. Руберт, можно назвать «лицом, наделенным государственными полномочиями, и в силу этого персонифицирующим государство» [Руберт, 2003, с. 125]. В процессе интерпретации судьей юридического документа происходит выбор наиболее релевантного и максимально

¹URL: <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-16/st-111-uk-rf> (дата обращения: 14.08.2024).

отвечающего интересам законодателя значения слова в контексте. Асимметричность судебного дискурса, при которой представители власти доминируют по отношению к сторонам процесса, приводит к своего рода «навязыванию» смыслов, установленных правоприменителем. Императив решения судьи приводит к тому, что его интерпретация правовой ситуации и соотнесение ее с определенным термином в дискурсе устанавливают критерии для дальнейшей квалификации дел в ходе правоприменения.

Интерпретируя интенции законодателя и текст документа в ходе правоприменения, судья из всего множества значений слова выбирает то, которое, с его точки зрения, закладывал законодатель и которое максимально отвечает интересам правовой нормы и правовой системы. Аргументативность судебного дискурса, т. е. регулярное обязательное обращение к прецедентным текстам и прецедентным делам, а следовательно, многократное воспроизведение установленного в процессе интерпретации смысла и акцентирование конкретного значения лексемы, приводят к закреплению определенного значения за определенной лексемой и тиражированию его соотнесения с фрагментом знания, представленного в виде определенных когнитивных структур.

Таким образом, значения терминов претерпевают лексико-семантические модификации ввиду особенностей юридического, в частности судебного, дискурса. При переводе данных лексем на русский язык значение исходных терминов не совпадает с единицами переводящего языка, однако выводится из него при помощи логических преобразований определенного типа. В число лексико-семантических модификаций входят сужение или расширение исходного значения языковой единицы, нейтрализация или усиление эмфазы, функциональная замена, описание или комментариев, прием лексических добавлений или опущений.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ MATERIAL И SUBSTANTIVE

Исследования показали, что «выбор терминов на этапе проработки законопроекта, чтений и дискуссий не бывает случайным, и, тем не менее, в законодательстве любой страны имеются понятия и определения, допускающие неоднозначное толкование, зависящее от правовой ситуации, восприятия судьи или слишком пространного определения самого понятия» [Викулина, 2018, с. 92–93]. В результате многократного употребления лексем в значениях, актуальных для целей правоприменения, а также в процессе приращения смыслов, релевантных для

судебного дискурса, в ходе интерпретации юридического текста правоприменителем, за прилагательным закрепляется новое значение, не зафиксированное в словаре, или на первый план «выходит» не самое очевидное словарное значение.

Рассмотрим в качестве примера прилагательное *material*, являющееся в контексте юридического документа зачастую «ложным другом переводчика». Так, словарь «Oxford Online Dictionary» фиксирует следующие значения данного прилагательного:

material adj. 1[only before noun] connected with money, possessions, etc. rather than with the needs of the mind or spirit; 2. [only before noun] connected with the physical world rather than with the mind or spirit; 3. **(formal or law) important and needing to be considered**¹

Очевидно, что основные значения прилагательного («связанный с деньгами, имуществом» или «физическими свойствами предмета») действительно совпадают с напрашивающимся по аналогии с русским языком переводом «материальный», однако с пометкой «формальный или юридический стиль» словарь фиксирует значение «то, что важно, или необходимо принять во внимание».

Словарь «Merriam-Webster» определяет прилагательное *material* как:

Material 1. a. relating to, derived from, or consisting of matter; b. of or relating to matter rather than form; the material aspect of being; 2. **of or relating to the subject matter of reasoning**; 3. **having real importance or great consequences** (eg. facts material to the investigation); 4. being of a physical or worldly nature; relating to or concerned with physical rather than spiritual or intellectual things²

Приведенные два из четырех значений соответствуют переводу «материальный» («нечто, относящееся к материи», «нечто, относящееся к физическому, а не к духовному или интеллектуальному миру»). Однако здесь следует отметить два значения (второе и третье), указывающие на важность для аргументации и значимость для последствий: именно эти два значения выходят на первый план в юридическом дискурсе.

И «Cambridge Online Dictionary» приводит два значения прилагательного *material*:

¹URL: material adjective – Definition, pictures, pronunciation and usage notes | Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения: 14.08.2024).

²URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/material> (дата обращения: 14.08.2024).

Material 1. relating to physical objects or money rather than emotions or the spiritual world; 2. **important or having an important effect**³

Здесь основным и очевидным значением также является «материальный, относящийся к физическому миру, деньгам, а не к эмоциям или духовному миру», тогда как значение «важный или имеющий важный эффект» оказывается на втором месте.

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать следующий вывод: основное словарное значение прилагательного *material* соответствует переводу «материальный, физический», тогда как более релевантное для судебного дискурса значение «важный, существенный» ни в одном из словарей не зафиксировано как основное.

На основании решений Верховного суда США рассмотрим, какие значения может приобретать прилагательное *material* в судебном дискурсе. С нашей точки зрения, данные смыслы будут существенно влиять на выбор русского прилагательного при переводе судебных решений.

These provisions were continued until the adoption of the provisions of the present statute, so far as now **material**, by the Act of 1887, 24 Stat. 552. We cannot assume that Congress, in thus revising the statute, was unaware of the history which we have just detailed, [Footnote 2] or certainly that it regarded as without significance (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets, 313 U.S. 100. 1941*). – В соответствии с Законом 1887 г. <...> данные положения оставались в силе до принятия данного закона (статута), в том объеме, в котором они **существенны (актуальны)** на данный момент. Мы не можем предположить, что Конгресс, пересматривая закон, не знал историю, которую мы только что изложили в деталях или счел ее не имеющей значения⁴.

But we find no *material* difference, upon the present issue, between the two statutes, and the reasoning of the Court in support of its decision is as applicable to one as to the other (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets, 313 U.S. 100 (1941)*). – Мы не видим **существенной (принципиальной)** разницы между двумя законами (статутами) с точки зрения рассматриваемого вопроса, и аргументы Суда в поддержку своего решения могут подпадать под действие как первого [закона], так и второго.

... the Act does not require a franchisee to abandon its franchise to recover for such termination, and concluding that a simple breach of contract <...> can

³URL: MATERIAL | English meaning – Cambridge Dictionary (дата обращения: 25.08.2024).

⁴Здесь и далее перевод наш. – М. В., Л. М.

amount to constructive termination if the breach resulted in a **material** change effectively ending the lease (*Mac's Shell Service, Inc. v. Shell Oil Products Co.*, 559 U.S. 175. 2010). – Закон не требует от получателя франшизы отказываться от нее в целях получения компенсации за расторжение договора, а также предполагает, что простое нарушение условий договора <...> может рассматриваться как подразумеваемое расторжение, если нарушение привело к **существенному (имеющему значимые последствия)** изменению, фактически делающему аренду неактуальной.

Как видим из приведенных примеров, в судебном дискурсе наблюдается сужение значения лексемы, и основным значением прилагательного *material* становится «существенный, важный, имеющий значимые последствия». При этом в зависимости от контекста юридического документа само прилагательное может иметь широкий спектр русских эквивалентов, вербализующих данное значение, например, «важный», «существенный», «актуальный», «принципиальный», «большой», «значимый» и т. д., но не «материальный», «физический».

Данные процессы лексико-семантических модификаций с точки зрения сужения значения актуальны в судебном дискурсе и для слов, производных от прилагательного *material*. Например:

...requirements “should be grafted onto the **materially** different exemption” contained in sections 541.601 and 541.602(a) (*Helix Energy Solutions Group, Inc. v. Hewitt*. 02.22.2023). – ...требования должны быть основаны на **принципиально** ином исключении, содержащемся в разделах...

В некоторых случаях производные прилагательные могут иметь иные русские эквиваленты, однако все они соотносятся со значением «важный, существенный, имеющий значимые последствия» (но не со значением «материальный, физический»). У производных прилагательных также наблюдается сужение объема значения в судебном дискурсе. Например:

But we think the amount of the plaintiff's demand in the state court is **immaterial**, for one does not acquire an asserted right by not waiving it... (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets*, 313 U.S. 100. 1941). – Но мы полагаем, что объем требований истца в суде штата **не имеет под собой оснований / нерелевантен**, поскольку никто не приобретает некое (заявляемое) право только потому, что он не озвучил свой отказ от него.

Таким образом, в результате интерпретационной практики и конкретизации значения лексемы правоприменителем в судебном дискурсе происходит сужение значения прилагательного и за ним закрепляются смыслы, соотносимые с данным значением и релевантные для юридического контекста. Выбор иного значения в судебном дискурсе может привести к искажению смыслов, заложенных в юридическом тексте. В данном случае мы особенно подчеркиваем, что прилагательное *материальный* не является эквивалентом прилагательного *material* в судебном дискурсе, так как для обозначения чего-либо, связанного с «сутью, материей или физической стороной объекта» в судебном дискурсе используется прилагательное *substantive*.

В частности, одной из распространенных ошибок при переводе на английский язык является некорректный перевод термина «материальное право».

Материальное право – это «юридическое понятие, обозначающее совокупность правовых норм, с помощью которых государство осуществляет воздействие на общественные отношения путем прямого, непосредственного правового регулирования; нормы материального права закрепляют формы собственности, юридическое положение имущества и лиц, определяют порядок образования и структуру государственных органов, устанавливают правовой статус граждан, основания и пределы ответственности за правонарушения и т. д.; объектом материального права выступают имущественные, хозяйственные, трудовые, семейные и иные отношения»¹. По сути, материальное право определяет права и обязанности участников правоотношений, а также санкции за нарушение данных прав и обязанностей, т. е. непосредственно составляет *суть, материю* правоотношений, следовательно, данный термин имеет в юридическом языке фиксированный эквивалент *substantive law* (от *англ.* substance – суть, материя). Материальному праву в юриспруденции противопоставляется процессуальное право.

Важно отметить, что не все словари фиксируют данное (юридическое) значение прилагательного. Так, «Oxford Online Dictionary» определяет *substantive* как *dealing with real, important or serious matters*, а «Cambridge Online Dictionary» как *important, serious, or related to real facts; having real importance or value*².

¹Институт судебных экспертиз и криминалистики: словарь эксперта. URL: <https://ceur.ru/library/words/item115191/> (дата обращения: 21.08.2024).

²URL: substantive adjective – Definition, pictures, pronunciation and usage notes | Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения: 21.08.2024).

Очевидно, что данные словарные значения не учитывают сформировавшиеся и закрепившиеся в юридическом контексте смыслы.

Словарь «Merriam-Webster» приводит актуальное для судебного дискурса значение прилагательного *substantive* как одно из его «неосновных» значений:

1. having substance, involving matters of major or practical importance to all concerned; 2. considerable in amount or numbers; 3. real rather than apparent; 4. belonging to the substance of a thing, expressing existence; 5. having the nature or function of a noun (a substantive phrase), relating to or having the character of a noun or pronominal term in logic; **6. creating and defining rights and duties (substantive law)**; 7. requiring or involving no mordant; 8. being a totally independent entity¹

Тем не менее в судебном дискурсе в процессе сужения исходного значения слова до «относящийся к сути вещей» и в некоторой степени в результате функциональной замены (прилагательные *материальный* и *substantive* не являются очевидными эквивалентами в исходном и переводящем языках, однако вербализуют смысловую функцию термина) происходит закрепление выражения *substantive law* в качестве термина «материальное право». Это можно продемонстрировать на примерах, взятых из решений Верховного суда США:

A court determining whether a law is *substantive* or procedural under the Erie doctrine should evaluate whether it affects primary decisions regarding human conduct. In cases when it is rationally possible to classify a law as either *substantive* or procedural, the federal courts have the authority to control their own practice and pleading procedures (*Hanna v. Plumer*, 380 U.S. 460. 1965). – Суд, определяя в соответствии с доктриной Эри, относится ли закон к области *материального* или процессуального права, должен решить, касается ли он первичных норм / решений, регулирующих поведение людей. В случаях, когда есть реальная возможность охарактеризовать закон как относящийся к области *материального* или процессуального права, федеральные суды имеют полномочия самостоятельно регулировать свою практику и определять процедуры подачи документов.

Courts have developed two branches of due process doctrine: procedural due process and *substantive* due process². – Суды сформулировали два подхода

¹URL: SUBSTANTIVE Definition & Meaning - Merriam-Webster (дата обращения: 28.08.2024).

²URL: <https://supreme.justia.com/cases-by-topic/due-process/> (дата обращения: 28.08.2024).

к доктрине «должного судопроизводства»: должное судопроизводство с точки зрения процессуального права и должное судопроизводство с точки зрения *материального права*.

Поскольку в случае с термином *substantive law* в судебном дискурсе наблюдается функциональная замена (в результате приращения смыслов в юридическом контексте в составе терминологического выражения закрепляется лексема, отражающая функциональную нагрузку термина и его суть), данное значение не является релевантным для слов, производных от прилагательного *substantive*. Напротив, в производных словах актуализируется словарно зафиксированное значение «важный, существенный, значительный»:

A conclusion that employees who regularly receive pay *substantially* greater than the guarantee could not qualify as highly compensated employees would be a conflicting and expressly unintended result. See 29 C.F.R. § 541.601(c) (*Helix Energy Solutions Group, Inc. v. Hewitt*. 02.22.2023). – Вывод о том, что работники, регулярно получающие оплату, *значительно* превосходящую гарантии, не могут считаться сотрудниками, получающими высокие компенсации, был бы противоречивым и нежелательным.

...a petroleum franchisor and its assignee had constructively “terminate[d]” their franchises and constructively “fail[ed] to renew” their franchise relationships by *substantially* changing the rental terms that the dealers had enjoyed for years, increasing costs for many of them (*Mac’s Shell Service, Inc. v. Shell Oil Products Co.*, 559 U.S. 175. 2010). – Предполагается, что, подняв стоимость аренды для многих арендаторов, и таким образом *существенно* изменив условия аренды по сравнению с теми, которыми дилеры пользовались на протяжении многих лет, представитель франшизы на добычу углеводородов и получатель франшизы автоматически прекратили действие договора о франшизе и не возобновили его.

Следует отметить, что в судебном дискурсе прием функциональной замены является не менее распространенным способом лексико-семантических модификаций, чем сужение значения. Поскольку функциональная замена используется для передачи смысловых функций формы в тексте, в случае с двумя несовпадающими правовыми системами выбор эквивалента языковой единицы, категориальные значения которой отличаются или отсутствуют в переводящем языке, становится наиболее актуальным. Так, возвращаясь к прилагательному *материальный*, можно привести пример с термином

«материальный состав», где эквивалентом также не будет являться прилагательное *material*.

«Материальный состав преступления – это состав, который описывает признаки деяния, считающегося оконченным при наступлении общественно опасных последствий, а нематериальный – признаки деяния, считающегося оконченным при исполнении деяния либо создании условий для его исполнения» [Кокунов, 2018, с. 105]. Проще говоря, при материальном составе важно наличие неких видимых и физически существующих последствий. Например, в случае побоев необходимо наличие физически фиксируемых синяков, ссадин, царапин и т. д. Иными словами, важно наличие физически существующего *результата*. Отсюда переводным эквивалентом термина «материальный состав» является англоязычный термин *result crime*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на неизбежность использования неоднозначных и потенциально порождающих множество интерпретаций формулировок, тексты юридических документов должны быть четкими и однозначными. В случаях, когда избежать использования семантически неопределенных

лексем не представляется возможным, интерпретация в процессе правоприменения происходит за счет ранее установленных и закрепленных вышестоящими органами смыслов.

Более того, устанавливая смыслы, правоприменитель (в частности, судья) исходит из логики создания документа, интенций законодателя и духа закона, выбирая из всего множества значений слова то, которое, с его точки зрения, максимально отвечает интересам правовой нормы и правовой системы. В результате за лексемой в юридическом контексте закрепляется, возможно, не самое очевидное, а порой новое, значение, что зачастую приводит к лексико-семантическим модификациям терминов, и при переводе данных лексем на русский язык значение исходных терминов не совпадает с единицами переводящего языка, однако выводится из него при помощи логических преобразований определенного типа.

В перспективе представляется целесообразным систематизировать возможные цепочки логических преобразований, приводящих к лексико-семантическим модификациям значений лексем в ходе интерпретационной практики, а также выявить другие расхождения в значениях русских и английских юридических терминов, способных существенно повлиять на общий смысл документа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
2. Коралева Н. Ю. Языковая неопределенность в текстах юридических документов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 56–62.
3. Шевырдяева Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
4. Руберт И. Б. Прагматические и структурно-семантические характеристики нормативных текстов деловой документации // Текст – Дискурс – Стиль / Коммуникации в экономике: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 121–130.
5. Викулина М. А. Лексико-семантические модификации экспрессивно-оценочных лексем в англоязычном правовом дискурсе (на примере прилагательного *disparate*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 91–101.
6. Кокунов А. И. Материальный состав преступления как средство обеспечения качества уголовного закона // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 105–108.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (1998). O kategorijah diskursa = On the categories of discourse. In *Jazykovaja lichnost': sociolingvističeskie i jemotivnye aspekty* (pp. 185–197). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Korableva, N. Ju. (2024). Vagueness in legal texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(886), 56–62. (In Russ.)
3. Shevyrdjaeva, L. N. (2009). *Jazyk sovremennogo amerikanskogo sudebnogo diskursa (na materiale reshenij Verhovnogo suda SShA)* = The language of modern court discourse (based on the decisions of the US Supreme Court): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

4. Rubert, I. B. (2003). Pragmaticheskie i strukturno-semanticheskie harakteristiki normativnyh tekstov delovoj dokumentacii = Pragmatic and structural and semantic characteristics of statutory texts of business documents. In Text – Discourse – Style / Communications in Economy (pp. 121–130): collection of papers. St.Petersburg. (In Russ.)
5. Vikulina, M. A. (2018). Lexical and semantic modifications of expressive and evaluative lexical items (an analysis of the word “disparate”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(801), 91–101. (In Russ.)
6. Kokunov, A. I. (2018). Material'nyj sostav prestuplenija kak sredstvo obespechenija kachestva ugolovnogo zakona = Substantive constituent elements of crime as a means of quality assurance of criminal law. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 3, 105–108. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности

РГУ (НИУ) нефти и газа им. И. М. Губкина

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vikulina Maria Alexeevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Public and International Regulatory Support of National Security

National University of oil and gas "Gubkin University"

Moiseenko Lilia Vasilievna

Doctor of Philology, Professor

Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law

Institute of International law and Justice

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	